

Людмила Лихачева:

Его награда — наша память

Двадцатый век оставил за собой много наших почтенных сограждан, но ни одна потеря так не опечалила Россию, как кончина Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он тоже решил остаться в уходящем тысячелетии, но свет его жизни, его трудов поможет нам в потемках будущего. Непременно. А сейчас с нами те, кого он любил больше всего на свете — семья, то есть жена Зинаида Александровна и дочь. Людмила Дмитриевна в последние годы сопровождала отца повсюду, была с ним и на встрече в Пресс-клубе «Вечёрки» в 1998 году. Познакомившись с нею тогда, я поняла, что она не просто дочь великого человека, но и сама личность яркая и интересная. Она искусствовед, работает в Русском музее, там мы с ней и встретились, чтобы поговорить о Дмитрии Сергеевиче. Я благодарна Людмиле Дмитриевне за согласие на разговор, потому что для нее эта тема все еще очень нелегка.

— Знаете, я без него как бы не живу. Отец был для меня всем. В последние годы, когда родители стали стареть и особенно после трагической смерти моей сестры Веры — мы с ней близнецы — в 81-м году, когда ее сбил автобус, я постепенно стала как бы переезжать к ним, пока не переселилась окончательно. И, конечно, влияние папы на меня было очень сильным, я, можно сказать, просто окружена была его душой, его интересами, его мыслями, он наполнял собой мое пространство. Это так согревало, помогало жить даже тогда, когда ему становилось плохо, он болел, но и в болезни оставался добрым, теплым, заботливым отцом.

— Наверное, вы через него познакомились со множеством людей?

— Да, конечно, в последние годы, когда наконец его «допустили» до общественной деятельности, он очень много общался с людьми, самыми разными. От президента Ельцина до ребят из ближайшей школы. И работал в любимом своем Пушкинском доме, в секторе древнерусской литературы, который создал, вел нескольких учеников, писал статьи, выступал по радио и телевидению, но все-таки успевал руководить жизнью семьи. Не поучениями, конечно, а делом, заботой и любовью. Я сейчас даже не нахожу сил, чтобы съездить на дачу в Комарово, где он всегда жил летом. Боюсь увидеть все эти кувшины, колокольчики, всякие домашние мелочи, которыми он украшал нашу скромную квартиру с таким вкусом. И маленький клочок земли при доме тоже дело его рук, он был так устроен, буквально собран по камешку по его рисункам...

— При такой интенсивной деятельности он успевал думать о семье?

— Жизнь семьи была для него очень важным делом — жена, дети, внуки, правнуки, он очень любил мою дочь Веру и огорчался, что редко ее видит (она почти уже

два десятка лет живет за границей). Радовался рождению ее сына, а потом дочки, которой сейчас два года, но она начала говорить только по-английски. У погибшей сестры Веры (это наше семейное имя) тоже есть дети и внуки, они живут здесь.

Для папы было бы невозможно поменять семью — только одна жена, одни дети. Когда меня нотариус спросил, не было ли другого брака у мамы, мне стало смешно, потому что немыслимо это представить. Так же и с профессией. Его специальность — древнерусская литература, это стержень жизни. Но талантов было в нем заложено множество — например, рисование. Сейчас вышел «Новгородский альбом», где помещены его рисунки 1937 года, накануне нашего с сестрой рождения. Они ездили в Новгород, и папа рисовал, причем, когда его спросили, почему он не фотографировал понравившиеся виды, он отвечал, что денег на фотоаппарат просто не было. Очень бедно они тогда жили.

Рисовал он, на мой взгляд, замечательно, хотя специально не учился, только в школе, в Лентовской гимназии, где его учителем был брат Леонида Андреева. Потом он говорил, что если бы не стал филологом, то был бы архитектором. Отсюда его любовь к нашему городу, который он знал и тонко чувствовал. У него есть прекрасная статья «Небесная линия города», воспоминания о Петербурге его детства. Он не был энциклопедически образован, но круг его знаний чрезвычайно широк и, можно сказать, гармоничен, что в сочетании с необыкновенным общественным темпераментом делало его уникальным человеком.

Советская власть стремилась усмирить, укоротить этот темперамент, его сажали, травили, не выпускали из страны, просто избивали наконец... После того как он не подписал письмо академиков с осуждением Сахарова и помог Со-

лженицину в работе над «Архипелагом ГУЛАГ», его в подъезде встретили дюжие молодцы и поломали ему ребра. Вскоре случилась попытка поджога нашей квартиры, и нас спасло только то, что охранная сигнализация была записана на фамилию мужа моей сестры, они решили, что у Лихачева сигнализации нет. Когда под дверь стали засовывать шланг, чтобы залить бензин, сработал ревун, и поджигатели сбежали. Следовательно нам ясно дал понять, что виновных в избивании и поджоге никогда не найдут.

— Да, это новость для тех, кто представляет академика Лихачева таким небожителем, облаканным властями предрезающими.

— Это не более чем миф, теми же властями созданный. Я уже не говорю об аресте, когда ему не было и 20 лет, и Соловках, это знают все, но уже в блокаду, когда умерли бабушка и дедушка, семья голодала, отец написал книгу об обороне древнерусских городов. Ее читали бойцы на фронте, не зная, что автора обвинили в покушении на советский строй, вызывали в КГБ, лишили ленинградской прописки. Потом семью выслали в Казань, и вернулись мы домой только после Победы. Мы с Верой пошли той осенью в 1-й класс, в ту самую школу, где учился папа, тогда номер 47. Сейчас мне сообщили, что этой школе хотят присвоить имя отца, хотя она уже носит имя Ушинского, уж не знаю, как решат окончательно.

Так что не было любимого властями академика. Братья отца, которые пошли по технической части, занимали довольно высокие должности, и одному из них советский начальник Аристов сказал однажды, что Дмитрий Лихачев под видом охраны памятников борется с советской властью. Он, правда, никогда не был диссидентом, за что получил укор от Солженицына, который звал его участвовать в издании подпольного журнала «Из-под глыбы». Нет, душой отец никогда не кривил ради денег, чинов и прочих благ, но на активные действия не шел, и тем не менее его смертельно ненавидел ленинградский партийный вождь Романов.

— Был ли Дмитрий Сергеевич религиозным человеком?

— Нельзя сказать, что он был верующим ортодоксом, исполнял обряды и прочее. Но некую высшую духовную силу признавал существующей. Может быть, потому и занялся древнерусской литературой, что она насковозь пронизана ощущением этой силы. Отчего сама его профессия казалась властям воинствующе атеистической

страны подозрительной и опасной. Нужно было иметь немалое гражданское мужество, чтобы в такой обстановке добиваться создания специального сектора, издавать сборники и монографии, собирать конференции. На международный конгресс славистов Лихачева не пустили. Но он не отступал, писал статьи, выступал на радио, на телевидении.

Очень важной вехой в его жизни стала передача из студии в Останкине, которую, кажется, смотрел весь Советский Союз. После этого он сразу стал известен, с его словом начали считаться, и травля постепенно сошла на нет. Но началось другое испытание, много труднее — испытание славой. Отец был человеком увлекающимся и доверчивым, к нему приходило множество людей с самыми заманчивыми предложениями, и он не мог отказывать, из-за чего иногда попадал в неприятности.

— Одним из таких предложений была мысль создать Фонд культуры?

— Поначалу на этот фонд он возлагал огромные надежды. Так ему хотелось найти средства для реставрации памятников, для возвращения в Россию наших культурных ценностей, да и время было поминать какое — начало перестройки, романтика реформ, мечты о будущем... Но через несколько лет выяснилось, что средства, поступающие в фонд, разворовываются, и отец ничего не может с этим поделать. Тогда он публично снял с себя полномочия, и что теперь творится в Фонде культуры — один бог знает. Уже после смерти папы к нам обратились сотрудники Джорджа Сороса с предложением создать Фонд имени Лихачева для содействия российской культуре. Отец очень уважал господина Сороса, считал его деятельность очень полезной для России, но пока что наша семья не дала согласия на создание подобной организации. Мы не знаем, в чьи руки она попадет, сейчас все это очень неоднозначно, и мы не хотим, чтобы имя отца упоминалось в недостойной ситуации.

— Да, я беседовала с некоторыми сотрудниками нынешнего Фонда культуры, они относятся к академику Лихачеву весьма своеобразно, говорят, что он часто вмешивался не в свои дела, например, о статусе «великой княгини» Леониды Георгиевны и ее семьи...

— Да, здесь отцу сильно досталось от многих монархистов и дворянских обществ. В своих газетах они упрекают его в некомпетентности, а ведь он просто как русский человек высказывал свое

мнение, только и всего. Я знаю, что именно письмо отца побудило Бориса Ельцина приехать на церемонию захоронения царской семьи в прошлом году. Уже в день похорон утром Ельцин позвонил Дмитрию Сергеевичу и сказал: я сейчас перечитал ваше письмо и решил ехать. Отец вообще часто писал президенту по разным вопросам и всегда получал ответы. Специально ради Лихачева здесь, в Петербурге, собирался Совет по культуре, решались вопросы помощи музеям и называли наш город культурной столицей России.

Мы знакомы с Наиной Иосифовной, она мне очень нравится своей мягкостью и добротой, она приезжала на похороны папы и звонила на 9-й и 40-й день, в день его рождения, 28 ноября, очень внимательно к нашей семье. Когда отца наградили орденом Андрея Первозванного, я его сопровождала в Москву, и после церемонии мы пили чай в доме Ельциных, там познакомились с Татьяной Борисовной Дьяченко, она тоже мне показалась простым и добрым человеком. Отец хорошо был знаком и с семьей Горбачева, Раиса Максимовна ведь была патронессой Фонда культуры и действительно много делала в этом качестве, но потом появилась некоторая рев-

ность к Ельцину, хотя не мог же Дмитрий Сергеевич плохо относиться к Борису Николаевичу только потому, что он стал президентом России. Кроме того, Ельцин тоже часто делом отзывался на просьбы отца о помощи питерской культуре. В последний раз это была реставрация Монплезира в Петергофе. Должна сказать, что и губернатор Яковлев прислушивался к мнению отца и был с ним в хороших отношениях. Я уже говорила, что Дмитрий Сергеевич не был бунтарем по натуре, скорее стойким, и если была возможность сделать что-то доброе с помощью власти — он это делал. Но никогда при этом не поступался своими принципами, никогда.

Мне сейчас трудно вспоминать какие-то подробности жизни семьи, очень больно, моя главная задача — поддержать маму, она после смерти отца не может оправиться, стала какая-то безучастная. Может быть, пройдет зима, потеплеет и мама вернется к жизни, это так нужно нам всем — ее родным. Я надеюсь, что еще очень многие люди расскажут о моем отце то, что помнят, потому что долгая память — это лучшая награда ушедшим.

Беседовала
Наталья СИДОРОВА